

владельческого сельского хозяйства. Положение сложилось аналогичное тому, которое существовало на южных окраинах Московского государства, где в связи с постоянной опасностью набегов крымцев возможно было только мелкое хозяйство и военная организация населения. Наряду с бывшими колониями в византийских провинциях появилась масса поселенцев из славян и военнопленных¹⁶, а также беженцев из Арабского халифата. Все это пестрое население в условиях почти открытых границ вынуждено было жить сплоченными общинами, в условиях мелкого хозяйства и при наличии военной организации всего населения. Это явилось основой для создания фемного строя.

Вполне закономерно, что в странах, где господствовал рабовладельческий строй, при переходе к феодальной формации на длительное время устанавливается период преобладания в сельском хозяйстве свободной крестьянской общины. Ведь для установления феодальных отношений необходимо, чтобы средства производства перешли в руки непосредственных производителей¹⁷. В славянских и германских обществах это обстоятельство имело налицо в родоплеменных отношениях. Но для общества, переходящего в феодализм из рабовладельческого строя, где рабы и энапографы были лишены не только собственности на средства производства, но и на продукцию труда, необходим был революционный переход земельной собственности в руки крестьян¹⁸.

В исторической литературе, начиная с Васильевского, придается особая важность вопросу о форме землевладения в византийской общине; являлись ли пахотные и занятые виноградниками участки крестьян общинной или частной собственностью. Но вряд ли этот вопрос представляет собою такую исключительную важность для уяснения процесса генезиса феодализма в Византии. В. И. Ленин писал относительно процесса становления капиталистических отношений в России, что „мы относимся очень равнодушно к вопросу собственно о формах крестьянского землевладения... Действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука, непомерно высокое обложение...“¹⁹. Не следует ли и нам при изуче-

¹⁶ О преобладании свободного крестьянства в VII—IX вв. говорили Цахария, Васильевский, Папаригопулу, потом Константиеску (N. A. Konstantinescu. *Réforme sociale ou réforme fiscale*. „Bullet. de l'Acad. Roum. Sect. Hist.“, II, 1924, p. 94 sq.), а в настоящее время — Е. Кирстен („Die byzantinische Stadt, S. 26), который пишет: „Освобождение крестьян после Фоки, учреждение стратигических участков, земельное пространство между *хастра*, занятые на Западе славянами, а на Востоке белгцами из халифата, сделали крестьянство не только основой военного строя, но и всего хозяйства Византии“. См. также нашу статью „Проблемы иконоборчества в Византии“. УЗ Свердловского пединститута, вып. IV, 1948.

¹⁷ Стр. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157.

¹⁸ Статьи А. Д. Дмитрива („Восстание вестготов на Дунае и революция рабов“. ВДИ, 1950, № 1; „Движение скамаров“. ВВ, V, 1952), равно как и учебник „История средних веков“ для высшей школы, слишком односторонне обрисовывают „освободительную роль“ нашествия варварских германских племен, которые, как мы знаем из источников, не столько „освобождали“, сколько физически истребляли большую часть всего населения, превращая многолюдные области едва ли не в пустыни. Нет никаких данных о том, что нашествия готов IV—V вв. или разбойничьи выступления скамаров содействовали переходу земельной собственности в руки крестьян. Но источники по славянской колонизации Балкан дают конкретные данные о развитии крестьянской собственности. (Е. Э. Липшиц. Из истории славянских поселений. Сборник в честь Б. Д. Грекова. М., 1950); см. также St. Thomopoulos. *Ἱστορία τῆς πόλεως Πατρῶν*. Patras, 1950, цит. по E. Kirsten. Op. cit., S. 15.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 279—280.